

— ... — Дань Чао мысленно похвалил: так я и знал, что ты способен на такое, — и тут же спросил:

— А до этого? Должен же был быть конфликт, иначе зачем ему было при свете дня в Дворце Циннин приставать к служанке, да еще и подставлять именно тебя?

Большая часть лица Се Юня была скрыта в тени лунного света, но зрение Дань Чао, способное на сотню шагов точно пустить стрелу, было необычайно острым, и он сразу заметил, что выражение лица того стало слегка странным.

Все та же смесь брезгливости и неловкости, а еще... что-то невыразимое.

В сердце Дань Чао тут же зародилось подозрение, но он увидел, как Се Юнь медленно переспросил:

— У тех двоих из семьи Хэлань мозгов нет с самого рождения, пусть идут на верную смерть, к чему это тебе пытаться понять ход мыслей идиотов? Из чувства родства душ или общего несчастья?

Уголок глаза Дань Чао дрогнул.

— Я позвал тебя сюда не для этого, — Се Юнь явно не хотел больше говорить об этом неприятном деле, связанном с Хэлань Миньчжи, и сменил тему:

— Императрица намерена продвинуть тебя на должность настоящего заместителя командующего Императорской гвардией, но сейчас ты все еще монах из Храма Цыэнь, и официально назначить тебя чиновником неудобно. Что думаешь?

— А?

Се Юнь не остановился, оглянулся, бросив взгляд на Дань Чао, и нетерпеливо сказал:

— Разве ты можешь вернуться в Храм Цыэнь?

Первой мыслью Дань Чао было: почему же нет? Неужели императрица может упросить императора издать указ, заставляя меня вернуться к мирской жизни? Но поразмыслив, он понял, что Се Юнь имел в виду, что тот, увидев дворцовое богатство и роскошь увеселительных кварталов, даже если физически сможет вернуться, сердцем уже не вернется.

Он усмехнулся и покачал головой:

— Поднебесная безгранично велика, разве ограничивается одним Чанъанем или землями Мобэя? Если сердце спокойно, то даже в публичном доме можно обрести Храм Цыэнь; если же сердце беспокойно, то Храм Цыэнь — всего лишь большая постройка из гнилого дерева. Почему же нельзя вернуться?

Се Юнь ненадолго замолчал, затем внезапно приоткрыл губы. На мгновение Дань Чао подумал, что тот собирается отпустить язвительное замечание, но вместо этого тот тихо выдохнул. Тепловатый пар в ночи, подобной воде, превратился в иней, а затем бесследно растворился между губ и зубов.

— Твое сердце всегда было спокойным, — тихо произнес он, и было невозможно понять, похвала это или насмешка.

Но слово «всегда» было очень многозначительным, словно намекало на что-то, происшедшее в прошлом. В сердце Дань Чао что-то дрогнуло, и он испытательно окликнул:

— Учитель?

— Однако, — мрачно произнес Се Юнь, — обучившись искусному владению оружием, продай его императорской семье — с древних времен это неопровержимое правило. Скрывать свой талант — все равно что носить при себе яшму, навлекающую беду. Даже если ты сам не желаешь появляться в миру, в этом мире найдется бесчисленное множество людей, которые будут упрашивать, тянуть тебя, использовать бесчисленные интриги и заговоры против тебя, даже применять насилие, чтобы принудить... Если бы ты не был в Чанъане, еще куда ни шло, но ведь ты сам прошел через Врата Миндэ, прошел по улице Чжуцзюэ, вошел в этот Дворец Дамин с Мечом Цисин Лунъюань за спиной. Разве тебя кто-то принуждал?

Дань Чао не находил, что ответить.

Се Юнь спросил:

— Если ты хочешь укрыться от мира, разве мало мест для этого? Зачем тогда пришел в этот Чанъань?

Се Юнь опустил глаза, его выражение лица стало серьезным, профиль в слабом сиянии лунного света был смутным, словно трудноразличимым от прекрасной яшмы у его пояса. Дань Чао смотрел на него, и в сердце его внезапно возникло побуждение быть откровенным:

— Я ради тебя...

Се Юнь поднял взгляд.

— ...Ради поисков тебя я и пришел. — Кадык Дань Чао резко дернулся, он встретился взглядом с Се Юнем. — Учитель, все, что было в Великой пустыне, я забыл, но будь то милость или обида, я не хочу просто так, без причины, потерять это. Чанъань хорош, но это не моя родина, а в землях Мобэй небо высоко, земля обширна, и нет никаких ограничений. После того, как все дела будут улажены, если ты захочешь вернуться со мной...

Уголок губ Се Юня дрогнул, словно он услышал нечто абсурдное:

— Вернуться куда?

Голос Дань Чао прервался, словно в горле у него застряло что-то кислое и твердое.

— Отправка в Мобэй для меня — это ссылка, а приезд в Чанъань — это «возвращение». — Се Юнь окинул его взглядом из-под длинных, приподнятых уголков глаз, в котором читалась легкая насмешка:

— Благодарю за нежданную любовь, ученик, но подавляющее большинство людей в этом мире готово рваться к власти и богатству, и твой учитель, к несчастью, — величайший из этих казнокрадов, а вскормил я тебя тогда просто походя.

Слова его звучали так, словно намекали, что когда-то в Великой пустыне Дань Чао помешал ему вернуться в Чанъань, и за это тот проткнул его мечом.

Если бы Дань Чао все еще был в Храме Цыэнь, не выходил за ворота монастыря, где звучали

утренний колокол и вечерний барабан, и видел бы лишь ледяную насмешку в глазах Се Юня, он, вероятно, действительно подумал бы, что его снова высмеяли. Но после отравления в Восточном дворце, истребления семьи в Поместье Ковки Мечей, бесконечных интриг императора, императрицы и наследного принца он на собственном опыте познал всю глубину человеческого сердца, и ему казалось, что в этой насмешке Се Юня лишь две доли были обращены к другим, а восемь — высмеивали его самого.

— ...Учитель, — наконец с трудом выдавил из горла Дань Чао и спросил:

— Ты уже держишь в руках большую власть, обладаешь несметным богатством. Чего же еще жаждет твое сердце?

Се Юнь уже собирался что-то сказать, но вдруг поднял руку, знак, жест Дань Чао не двигаться.

Внутренняя энергия Дань Чао была обильной, и острота его пяти чувств, возможно, превосходила даже чувства Се Юня, но из-за минутного душевного смятения он не обратил внимания, а теперь, очнувшись, сразу заметил движение.

Оказалось, они незаметно для себя дошли до глубины внутренних покоев. Неподалеку, среди зарослей цветов и деревьев, за глубокими карнизами, какая-то подозрительная темная тень обходила алую деревянную колонну и поспешно направлялась к концу длинного коридора.

Дань Чао с первого взгляда узнал эту фигуру со спины и тихо произнес:

— Хэлань Миньчжи?

В глухую ночь, что делает Хэлань Миньчжи, внешний чиновник, пробираясь тайком во внутренние покои императорского дворца?

Дань Чао почувствовал неладное и уже собирался спросить, как увидел, что Се Юнь, словно призрак, уже бесшумно последовал за тем, перелетел через цветочные заросли и беззвучно приземлился на резные перила коридора.

Все-таки происхождение убийцы сказывалось: проворства и легкости Се Юня Дань Чао признавал, что ему не достичь даже на быстром коне. Тот лишь набрал воздух, подпрыгнул, еще в воздухе несильно оттолкнувшись от ветки, и приземлился на каменный пол коридора. Только ступив на землю, он поскользнулся, поспешил устоять, посмотрел вниз и увидел, что наступил на что-то скользкое.

В сердце Дань Чао возникло «А?», он поднял предмет и рассмотрел: это был светло-зеленый шелковый платок, в нижнем углу вышита ветка ивы.

Хотя Дань Чао был деревенским парнем, не выдавшим хороших вещей, но на ощупь он почувствовал, что шелк дорогой, явно не тот, что могла обронить какая-то служанка. Он повертел в руках вышивку с веткой ивы, смутно ощущая что-то знакомое, и вдруг в голове у него грянул взрыв.

— Пэй Цзылю!

Это платок Пэй Цзылю!

Как он оказался на пути, по которому прошел Хэлань Миньчжи?!

Различные грязные слухи о Хэлань Миньчжи промелькнули в голове Дань Чао, затем остановившись на той подозрительной тени, что только что пробиралась во внутренний двор. Рука Дань Чао сжалась, платок смялся в кулаке.

Се Юнь подошел, взглянул, и на его лице тоже промелькнуло удивление:

— Девушке из семьи Пэй всего двенадцать-тринадцать лет, Хэлань Миньчжи и вправду жаждет смерти...

Голос его был тихим, но словно железные клещи схватили сердце Дань Чао. Не раздумывая, он бросился бежать в направлении, куда ушел Хэлань Миньчжи, завернул за угол коридора и увидел вдалеке ряд боковых комнат для прислуги, все сейчас погруженные во тьму и тишину, и только в самом углу мелькнул едва заметный огонек, который тут же погас.

Если у Дань Чао еще оставались сомнения, то теперь они полностью исчезли: разве такая знатная барышня, как Пэй Цзылю, если бы добровольно пришла на свидание с любовником, выбрала бы такой темный, захолустный, обшарпанный покой для прислуги?

И в этот момент сквозь ночной ветер донесся очень тихий, из-за расстояния едва слышный приглушенный крик. Если бы не острый слух Дань Чао, он бы точно принял этот звук за шум качающихся веток в саду.

— Плохо!

В глазах Дань Чао мелькнула жестокость, и он уже собрался идти туда, но вдруг на его плече ощутилась тяжесть. Обернувшись, он увидел, что это Се Юнь остановил его.

— Учи...

Если бы присмотреться, можно было заметить, что реакция Се Юня сейчас была несколько странной. Он слегка приподнял подбородок, глядя вдаль, в глубокую темноту леса, зрачки его резко расширились, затем сузились, мышцы из-за сильного напряжения под широкими рукавами одежды проступили неявными контурами.

— Не ходи, — выдохнул он два слова.

Дань Чао, в сильнейшем гневе, не понял этих простых слов:

— Что?

Се Юнь ничего не сказал, одна его рука недвижно сжимала плечо Дань Чао.

В тексте исправлены оставшиеся китайские символы (знак, жест), пунктуация и оформление прямой речи приведены к единому стандарту. Все термины из глоссария использованы корректно.